

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СССР

УДК 322.173.3

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 1930-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ)

В. Н. Мухин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18
natallin1710@hotmail.com

Рассматривается положение православных верующих в Татарской автономной советской социалистической республике в условиях проведения государственной властью антирелигиозной политики. Ставится вопрос о положении советского верующего в связи с несовместимостью «советского, марксистско-ленинского» и религиозного мировоззрений. Особое внимание уделено анализу социального статуса следующих групп верующих: членов семей духовенства, церковно-активных (членов исполнительного органа религиозных общин) и просто верующих граждан.

Ключевые слова: история советской России, православие, социальное положение верующих, Казанская епархия в 1930-е гг.

Тема взаимоотношений государства и Церкви неоднократно обсуждалась в историографии в контексте принятия правовых актов и нормативных документов (Д.В. Поспеловский, А. Левитин-Краснов, В. Шавров, Л. Регельсон, А.С. Масальская, И.Н. Селезнева, М.Е. Алексахина, И.И. Осипова, М.В. Шкаровский, М.Е. Губонин, протоиерей В. Цыпин). Не меньше внимания уделялось этим вопросам в публикации документов по истории Русской православной церкви [Русская Православная..., 1995]. Работа в этом направлении ведется на общероссийском и на региональном уровнях [Журавский, 1996; Республика Татарстан..., 1998; Степанов, 1999]. Региональный подход позволяет более детально рассмотреть, как на практике осуществлялась политика в отношении Церкви, реализовывались положения декретов и постановлений советской власти, как они отражались на жизни простых людей.

Изъятию церковных ценностей, расколу православия, преследованию и арестам духовенства, монашества, закрытию и ликвидации храмов и монастырей уделено достаточное внимание в историографии. Несмотря на существование исследований, касавшихся государственно-церковной проблематики, таких авторов как Л.И. Сосковец, О.В. Попова, У.С. Флэтчера, социальный аспект в подходе к этой теме главным критерием еще не был.

В условиях несовместимости «советского, марксистско-ленинского» и религиозного мировоззрений, непримиримой борьбы с религией, объявления ее классово чуждой идеологией, анахронизмом человеку необходимо было определить свое отношение к вере. На решение этого вопроса могли оказать влияние самые разные факторы, не обязательно идеологического характера. В данной статье попытаемся рассмотреть положение православного верующего населения (исходя из того факта, что православных, т.е. крещеных людей, в обществе всегда больше, но не все они верующие) в исторических обстоятельствах 1930-х гг.

Начальные хронологические границы исследования связаны с принятием ВЦИКом СССР в 1929 г. постановления «О религиозных объединениях». Данным документом определялись важнейшие аспекты взаимоотношений государства и церкви на протяжении почти 60 лет. Конечные границы связаны с подведением итогов Всесоюзной демографической переписи 1937 (1939) г., как единственной в XX в., которая предусматривала ответ на вопрос об отношении к религии. Перепись была проведена в 1937 г., но ее итоги не удовлетворили руководство СССР и были объявлены недостоверными. В 1939 г. была проведена повторная перепись, а бывшее руководство ЦСУ СССР подверглось репрессиям [Жиромская, Киселев, Поляков, 1990, с. 3–25].

В качестве объекта анализа были взяты рядовые верующие и разделены на три группы: членов семей духовенства, церковно-активных прихожан (членов исполнительного органа религиозных общин) и просто верующих, которых можно разделить на городских и сельских.

Члены семей духовенства попадали под пресс государства за свою сословную принадлежность. Эта категория населения до 1936 г. оставалась неполноправной. Как «лишенцы», они были ограничены не только в избирательном праве, но и в выборе профессии, трудоустройстве, размерах заработной платы, даже в получении «заборных книжек» (карточек продовольственного снабжения) и медицинском обслуживании. Подобные ограничения и их эффективность неоднократно обсуждались на местном, республиканском, партийном уровне. «В практике вербовки в наши школы мы за последние годы особенно ставили рогатки для проникновения в школы детей духовенства», – говорилось на совещании Татарского ОК ВКП(б) в феврале 1931 г. (НА РТ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 62. Л. 52). В подобной ситуации оказывались и студенты. В прессе писалось о том, что «принимаются особые решения с требованием удалить из учебных заведений ... детей попов, которым не место в советском вузе» [Аеров, 1930, с.3]. Активисты Союза воинствующих безбожников останавливали киносеанс и требовали, чтобы «лишенцы» покинули зал, иначе картина демонстрироваться дальше не будет [Крылова, 1998, с. 1]. Подобных примеров нарушения гражданских прав и умаления человеческого достоинства достаточно много.

Все это осложняло повседневные практики человека, ломало его судьбу, вносило раскол без явно обозначенных целей в целостность семейных отношений духовенства. Детей со школьного возраста подталкивали к тому, чтобы они начали видеть в своих родителях препятствие для полноценной жизни в обществе. В этих условиях вопрос становился ребром – или пребывание в числе изгоев, или разрыв с семьей.

Под надзор власти попали и миряне, имевшие обязанности в исполнительном органе религиозной общины. С 1931 г. списки членов религиозных общин, подаваемые в НКВД, должны были сопровождаться указанием профессии и происхождения. Это позволяло государству контролировать религиозное сознание граждан и проводить в этой области классовую политику, дифференцируя меры воздействия на тех или иных участников религиозных объединений. Согласно статистике не менее половины членов общин (а в некоторых общинах и значительно больше) было «из крестьян». Многие сведения о себе давать отказывались (такой вариант властями еще допускался) (НА РТ. Ф. Р – 732, Оп. 6. Д. 42. Л. 139). Редким можно признать список исполнительного органа Богоявленской общины, который был составлен 18 февраля 1934 г. и в котором Бунин Александр Дмитриевич указал свое дворянское происхождение (НА РТ. Ф. Р – 732. Оп. 6. Д. 12. Л. 4). С 1932 г. подобные документы содержали данные о количестве мужчин и женщин и о распределении их на служащих, рабочих, пенсионеров, домохозяек, служащих без избирательных прав (НА РТ. Ф. Р – 732. Оп. 6. Д. 54. Л. 36, 44, 45). Контроль над общинами со временем стал еще детальнее.

Практически на любом производственном собрании в городах затрагивался церковный вопрос. Предметом обсуждения служил либо отказ от работы в дни религиозных праздников, либо закрытие культовых зданий. Негативный подтекст при упоминании религии – обязательный фон собраний тех лет (НА РТ. Ф. Р – 732. Оп. 6. Д. 31. Л. 54; Д. 25. Л. 71). «Общее собрание рабочих считает, что религия есть одно из основных орудий служащее капиталу для эксплуатации рабочего класса» (НА РТ. Ф. Р – 3610. Оп. 5. Д. 4. Л. 44). «Отмечая опасную агитацию попов и сектантских религиозных обществ направленную против соцстроительства, решительным образом настаиваем на непреклонном закрытии церкви» (НА РТ. Ф. Р – 732. Оп. 6. Д. 28. Л. 97). «Молитвенные дома, церкви, мечети считать очагом одурманивания трудящейся массы» (НА РТ. Ф. Р – 732. Оп. 6. Д. 28. Л. 95). Подобными резолюциями пестрят протоколы рабочих собраний тех лет.

Быть на таких собраниях верующих вынуждали, хотя формально списки присутствовавших не составлялись и подписи участников не собирались (НА РТ. Ф. Р – 732. Оп. 6. Д. 199. Л. 49). При принятии резолюции собрания верующие вели себя по-разному. Одни открыто заявляли о своем несогласии с позицией большинства, что требовало изрядной смелости (НА РТ. Ф. Р – 732. Оп. 1. Д. 1383. Л. 272, 273). Другие же, «несмотря на настоятельные просьбы высказываться, не выступали и не высказывали своего мнения» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 927. Л. 48).

Заводские и фабричные активисты призывали к общественному бойкоту религиозных праздников (НА РТ. Ф. Р – 732. Оп. 6. Д. 28. Л. 95). Бойкотировались не столько праздники, сколько верующие. Трудящихся за празднование, например, Рождества Христова, называли «рождественскими прогульщиками», но традиции, тем не менее, соблюдались в узком семейном кругу. Колхозник религиозный «праздник-то все-таки отмечает: на пасху кулич спечет, в троицу березку у окна поставит» [Стручков, 1933, с. 31]. Советская власть, осознавая это, активно вмешивалась и в эту сфе-

ру: «Борьба против религиозных праздников должна быть борьбой за выкорчевывание пережитков, связанных с этими праздниками, за преодоление праздника в быту» [Там же]. Так, в соответствии с Постановлением НКВД Татарской АССР от 23 декабря 1929 г. «О мерах по охране молодняка в лесах от вырубki в связи с религиозными обычаями и обрядами» запрещались отпуск и торговля елками и березками для «применения их в декоративных целях в дни традиционных религиозных праздников» [Постановление НКВД..., 1929, с.1]». В сущности, этим постановлением под видом заботы о сохранении молодняка в лесах православных христиан пытались лишить возможности соблюдать традицию украшать храмы и свои жилища. Однако, по свидетельству газеты, за выполнением постановления никто не наблюдал. «Закон "в силе", но никем не выполняется. О нем забыли...» [Савосин, 1930, с. 4].

Для более полного освещения социального аспекта жизни верующих в исследуемый период, думаю, было бы нелишним обратить внимание на ту категорию населения, для которой и строили светлое будущее – на детей и подростков. Невзирая на разного рода директивы и постановления партийных органов, сельские школьники продолжали праздновать церковные праздники (НА РТ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 62. Л. 89). Именно поэтому в школах республики проводились антирождественские кампании, результаты которых вряд ли можно назвать успешными. Иллюстрацией этого служит факт, приведенный в статье М. Сунгурова «Антирелигиозное воспитание на основе новых программ (из опыта школ Средне-Волжского края)», опубликованной журналом «Антирелигиозник» (1932, № 11–12). «В одной из школ Чердаклинского района в антирождественскую кампанию школьники ходили по домам "славить Христа"». Официально заявленной мотивацией соблюдения религиозной традиции, согласно автору, стал сбор средств для нужд школы. Утверждалось, что «в некоторых школах в религиозные праздники в виду слабой посещаемости учеников школы фактически не работают. Отмечены случаи, когда сами учителя, под предлогом различных объективных причин, закрывают школы как раз ко времени религиозных праздников» [Сунгуров, 1932, № 11–12, с. 47].

Вопреки идеологическому давлению городские школьники также принимали участие в церковных праздниках. «Много есть фактов, когда дети справляли елку. Но есть еще и более серьезные факты, это прогулы в дни рождества. В школе им. Толстого ул. Кропоткина (Москва) 50 учащихся не вышли в школу 7 января» [Вакурова, 1931, с. 68]. Факты подобного рода имели место и в городах ТАССР. Причем они не просто фиксировались, но и имели последствия, так за встречу Нового года с елкой исключали из комсомола [Мальшиева, 2005, с. 43].

Не вызывает сомнений существование различий в укладе сельской жизни и городской, в религиозности сельской и городской. Дело в том, что народный календарь довольно давно и гармонично соединился с церковным, вследствие чего под антирелигиозное воздействие попадал природно-климатический цикл сельскохозяйственных работ. Запретительными мерами административного характера решить эту задачу не удалось, что отмечалось в периодике как центрального, так и местного уровня. Печатный орган Центрального совета Союза воинствующих безбожников – журнал «Антирелигиозник» – неоднократно отмечал влияние религиозных праздников на график сельхозработ. Так, в № 3 за 1930 г. А. Агиенко в статье «Антирелигиозная работа в связи с колхозным строительством» относит к «язвам старой деревни» то, что на селе отмечаются религиозные праздники во время горячей полевой работы (с.36). Чаше других в поле зрения попадали «Петров день» (12 июля по н.ст.) и Казанская (21 июля по н.ст.), чуть реже – «день Флора и Лавра» (31 августа по н. ст.) [Румянцев, 1937, с. 47; Куразов, 1932, с. 44], до которого нельзя начинать покос [Стручков, 1933, с. 31; Румянцев, 1937, с. 44]. В качестве примера Н. Румянцев отмечает, что в 1935 г. «до Петрова дня не приступали к покосу в восьми сельсоветах Пестречинского района Татарской республики. В «Красной Татарии» (1936, № 152) помещена заметка о председателе колхоза «Искра Ильича» Макарове, который «обстоятельно доказывает о преждевременности сенокоса, дескать, травы не созрели, "Петров" день не наступил».

Учитывая принадлежность сельских партийцев к крестьянам, что подразумевает влияние социальной ментальности и на их воспитание, и на их отношение к местным традициям, стоит обратить внимание на особую роль, которую они играли в качестве «проводников» политики партии в деревне. Этот факт приводил к поразительной способности представителей волостных партийных организаций сочетать в жизни противоположности: обязательное ведение антирелигиозной воспитательной работы и крещение своих детей, административное давление на священнослужителей и

хождение в храм, принятие в своем доме духовенства, наличие икон. Отмечены случаи, когда коммунисты убрали иконы из дома только после закрытия церкви, причем инициаторами ее закрытия были местные жители, как, например, в селе Малая Кармалка Черемшанской волости (ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп. 2. Д. 817. Л. 19об.). Не только члены сельских ячеек ВКП (б), но и комсомольцы носили своих детей в церкви (НА РТ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 123. Л.59), участвовали в крестном ходе с певчими для освящения полей (НА РТ. Ф. Р – 732. Оп. 6. Д. 88. Л. 14). В статье «Горьковское областное партсовещание по антирелигиозной пропаганде» Д. Брауде приводит примеры обращений председателей колхозов к духовенству. Это позволяет сделать вывод, что подобного рода контакты были довольно распространенной и привычной практикой не только в Татарской Республике [Брауде, 1937, с. 32, 33].

По причине близости к земле и уверенности в возможности прокормиться своим трудом при любой власти крестьяне позволяли себе более открыто демонстрировать свое несогласие с официальными установками. Это касалось и отношения к религии. Так, Татарский Народный Комиссариат юстиции неоднократно констатировал, что на религиозной почве «имеются серьезные конфликты с крестьянством» (НА РТ. Ф. Р– 3622, Оп. 2, Д.15, Л.9). Одной из существенных форм протеста был выход из колхоза. Запугивание вышедших результата не принесло (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 927. Л. 53). Однако под воздействием идеологических установок ВКП(б) и мер административного воздействия религиозная жизнь в сельской местности все больше стала приобретать характер семейно-бытовой обрядности.

Напрашивается вывод о том, что усилия партии, правительства, общественных организаций ожидаемого действия не возымели. Это и было продемонстрировано при переписи населения 1937 г. По ее данным в СССР верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн. против 42,2 млн., или 56,7% против 43,3% от всех респондентов [Жиromская и др., 1990 г.].

Список источников

НА РТ. Ф. 3622. Оп. 2. Д. 15. Л. 9; Ф. 5263. Оп. 1. Д. 62. Л. 52; Д. 123. Л. 59; Ф. Р – 3610. Оп. 5. Д.4. Л. 44; Ф. Р – 732, Оп. 6. Д. 28. Л. 95; Д. 12. Л. 4; Д. 199. Л. 49; Д. 28. Л. 95; Д. 28. Л. 97; Д. 31. Л. 54; Д. 25. Л. 71; Д. 42. Л. 139; Д. 54. Л. 36, 44, 45; Д. 88. Л. 14; Оп.1. Д.1383. Л. 272, 273.
Центральный Государственный архив историко-партийной документации Республики Татарстан (далее ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 2. Д. 817. Л. 19(об.); Д. 927. Л. 48, 53.

Библиографический список

- William C. Fletcher Soviet Believers: The Religious Sector of the Population // Russian Review. 1982. Vol. 41, № 4.
- Брауде Д. Горьковское областное партсовещание по антирелигиозной пропаганде // Антирелигиозник. 1937. № 6.
- Вакурова А. Юные безбожники в антипасхальную кампанию // Антирелигиозник. 1931. № 3.
- Воспоминания А.А. Крыловой // Личный архив автора.
- Губонин М.Е. Патриарх Тихон и история Русской Церковной смуты. СПб., 1994.
- Жиromская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937г. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/girom/index.php (дата обращения: 14.07.2014).
- Жиromская В.Б., Киселев И.Н. Поляков Ю.А. Полвека молчания // Соц. исследования. 1990. № 6.
- Журавский А.В. Жизнеописания новых мучеников Казанских, год 1918-й. М., 1996.
- Журавский А.В., Липаков Е.В. Православные храмы Татарстана. Казань, 2000.
- Аеров В. Кому не место в вузах // Красная Татария. 1930. 10 янв.
- Савосин Ст. Прекратить вырубку к дням Пасхи пихт и елок // Красная Татария 1930. 17 апр.
- Постановление НКВД Татарской АССР от 23 декабря 1929 г. «О мерах по охране молодняка в лесах от вырубки в связи с религиозными обычаями и обрядами» // Красная Татария 1929. 31 дек.
- Куразов Н. Религиозные праздники и безрелигиозный колхозный быт // Антирелигиозник. 1932. № 5.
- Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории Русской Церковной смуты. М., 1996.
- Мальшиева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, историче-

ские мифы (1917 – 1927). Казань, 2005, с. 43.

Масальская А.С., Селезнева И.Н., Алексашина М.Е. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917 – 1941. М., 1996.

Национальный Архив Республики Татарстан (далее НА РТ). Ф. 5263. Оп. 1. Д. 62. Л.89.

Осипова И.И. Сквозь огонь мучений и воду слез...: Гонения на Истинно-Православную Церковь. М., 1998.

Попова О. В. Взаимоотношения церкви и государства в СССР: традиции и опыт // *Метаморфозы истории.* 2002. №3.

Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995.

Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. М., 1997. Кн. 9.

Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви 1917 – 1945. М., 1996.

Республика Татарстан: Православные памятники (середина – начало XX в.) / под рук. Е.В. Липакова. Казань, 1998.

Румянцев Н. Летние праздники // *Антирелигиозник.* 1937. № 5.

Русская Православная Церковь в советское время (1917 – 1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью./ сост. Г. Штриккер. М., 1995.

Русская Церковь XX век. Кн. 1: матер. конф. «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917 – 1933 г.г.)». Сэнтендре (Венгрия) 13 – 16 ноября. 2001.

Сосковец Л. И. Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики. Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281.

Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту. Казань, 1999.

Стручков Г. Организация и методика антирелигиозной пропаганды. Антирелигиозная работа колхозной стенгазеты. Что надо не упускать из виду в борьбе против религиозных праздников // *Антирелигиозник.* 1933. № 3.

Сунгуров М. Антирелигиозное воспитание на основе новых программ (из опыта школ Средне-Волжского края) // *Антирелигиозник.* 1932. № 11–12.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.07.2014

POSITION OF THE ORTHODOX BELIEVERS IN THE SOVIET SOCIETY OF THE 1930s (THE EXAMPLE OF KAZAN DIOCESE)

V. N. Mukhin

Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya str., 18, 420008, Kazan, Russia
natallin1710@hotmail.com

The paper is devoted to the life of faithful Orthodox believers in the Soviet Russia. Whereas the majority of similar works are focused on the relations between the state and the church, the paper is aimed at outlining the way of life of ordinary believers in the 1930s by taking the Kazan diocese as an example. Various sources of information, including archive data, the 1930s local media, the researches of regional and national historians, were used in the study. The research embraces the period between 1929 and 1940. The author analyzes the life of priests' families, including persecutions from the state for belonging to clergy (expulsion from educational institutions, difficulties in entering schools and in getting employment or access to collective goods). The author pays attention to urban believers' life, focusing attention on negative attitude to religion in general and to believers specifically (for instance, the idea of closing Christian churches with the following demolishing of buildings was a widespread question of the meetings at plants and factories). The paper also examines rural believers' life and distinguishes two groups of believers: migrants to cities (who were restricted in expressing their religious position) and those who stayed in the villages, felt more freedom in expressing their religious position and could face the legal power in an open conflict. Special attention is paid to the fact that under the Soviet power religious life was expelled from official life and restricted to domestic rites. Only in the rural areas was it possible to defend religious views in numerous groups (for instance, 200 people left the collective farm as a protest against shutting down the local temple, whereas in the cities such a protest could be expressed only by single believers). The author concludes that the Soviet policy affected religious aspect of life of all social groups; the Marxist-Leninist philosophy was incompatible with religious way of life; such incompatibility resulted in the persecutions and repressions of the believers; religious life went into deep hiding and was mostly restricted to domestic rites.

Key words: history of the Soviet Russia, Orthodoxy, social status of believers, Kazan diocese in the 1930s.

References

- William C. Fletcher Soviet Believers: The Religious Sector of the Population. *Russian Review*. 1982, Vol. 41, № 4. S. 508–510.
- Braude D. Gor'kovskoe oblastnoe partsoveshchanie po antireligioznoy propaganda. *Antireligioznik*. 1937. № 6.
- Vakurova A. Yunye bezbozhniki v antipaskhal'nyu kampaniyu. *Antireligioznik*. 1931. № 3.
- Vospominaniya A.A. Krylovoy. *Lichnyy arkhiv avtora*.
- Gubonin M.E. Patriarkh Tikhon i istoriya Russkoy Tserkovnoy smuty. SPb., 1994.
- Zhiromskaya V.B., Kiselev I.N., Polyakov Yu.A. Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937g. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/girom/index.php (data obrashcheniya: 14.07.2014).
- Zhiromskaya V.B., Kiselev I.N., Polyakov Yu.A. Polveka molchaniya. *Sots. issledovaniya*. 1990. № 6.
- Zhuravskiy A.V. Zhizneopisaniya novykh muchenikov Kazanskikh, god 1918-y. M., 1996.
- Zhuravskiy A.V., Lipakov E.V. Pravoslavnye khramy Tatarstana. Kazan', 2000.
- Aerov V. Komu ne mesto v vuzakh. *Krasnaya Tatarsiya*. 1930. 10 yanv.
- Savosin St. Prekratit' vyrubku k dnyam Paskhi pikht i elok. *Krasnaya Tatarsiya*. 1930. 17 apr.
- Postanovlenie NKVD Tatarskoy ASSR ot 23 dekabrya 1929 g. «O merakh po okhrane molodnyaka v lesakh ot vyrubki v svyazi s religioznyimi obyachyami i obryadnostyami». *Krasnaya Tatarsiya*. 1929. 31 dek.
- Kurazov N. Religioznye prazdniki i bezreligioznyy kolkhoznyy byt. *Antireligioznik*. 1932. № 5.
- Levitin-Krasnov A., Shavrov V. Ocherki po istorii Russkoy Tserkovnoy smuty. M., 1996.
- Malysheva S. Yu. Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917 – 1927). Kazan', 2005, s. 43.
- Masal'skaya A.S., Selezneva I.N., Aleksashina M.E. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo 1917 – 1941. M., 1996.
- Natsional'nyy Arkhiv Respubliki Tatarstan (dalee NA RT). F. 5263. Op. 1. D. 62. L.89.
- NA RT. F. 3622. Op. 2. D. 15. L. 9.
- NA RT. F. 5263. Op. 1. D. 62. L. 52.
- NA RT. F. 5263. Op. 1. D. 123. L. 59.
- NA RT. F. R – 3610. Op. 5. D.4. L. 44.
- NA RT. F. R – 732, Op. 6. D. 28. L. 95.
- NA RT. F. R – 732. Op. 6. D. 12. L. 4.
- NA RT. F. R – 732. Op. 6. D. 199. L. 49.
- NA RT. F. R – 732. Op. 6. D. 28. L. 95.
- NA RT. F. R – 732. Op. 6. D. 28. L. 97.
- NA RT. F. R – 732. Op. 6. D. 31. L. 54; D. 25. L. 71.
- NA RT. F. R – 732. Op. 6. D. 42. L. 139.
- NA RT. F. R – 732. Op. 6. D. 54. L. 36, 44, 45.
- NA RT. F. R – 732. Op. 6. D. 88. L. 14.
- NA RT. F. R – 732. Op.1. D.1383. L. 272, 273.
- Osipova I.I. Skvoz' ogn' mucheniy i vodu slez...: Goneniya na Istinnno-Pravoslavnyu Tserkov'. M., 1998.
- Popova O. V. Vzaimootnosheniya tserkvi i gosudarstva v SSSR: traditsii i opyt. *Metamorfozy istorii*. 2002. №3.
- Pospelovskiy D.V. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' v XX veke. M., 1995.
- Protoierey Vladislav Tsylin. *Istoriya Russkoy Tserkvi*. M., 1997. Kn. 9.
- Regel'son L.L. *Tragediya Russkoy Tserkvi 1917 – 1945*. M., 1996.
- Respublika Tatarstan: Pravoslavnye pamyatniki (seredina – nachalo XX v.) / pod ruk. E.V. Lipakova. Kazan', 1998.
- Rumyantsev N. Letnie prazdniki. *Antireligioznik*. 1937. № 5.
- Rumyantsev N. Letnie prazdniki. *Antireligioznik*. 1937. № 5.
- Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v sovetskoe vremya (1917 – 1991). Materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdu gosudarstvom i Tserkov'yu. / sost. G. Shtrikker. M., 1995.
- Russkaya Tserkov' KhKh vek. Kniga 1. Materialy konferentsii «Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v XX veke (1917 – 1933 g.g.)». Sentendre (Vengriya) 13 – 16 noyabrya. 2001.
- Soskovets L. I. Sovetskie veruyushchie: obshchie sotsiodemograficheskie i kul'turnye kharakteristiki. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2004. № 281.
- Stepanov A.F. Rasstrel po limitu. Kazan', 1999.
- Struchkov G. Organizatsiya i metodika antireligioznoy propagandy. *Antireligioznaya rabota kolkhoznoy stengazety. Chto nado ne upuskat' iz vidu v bor'be protiv religioznykh prazdnikov*. *Antireligioznik*. 1933. № 3.
- Struchkov G. Organizatsiya i metodika antireligioznoy propagandy. *Antireligioznaya rabota kolkhoznoy stengazety. Chto nado ne upuskat' iz vidu v bor'be protiv religioznykh prazdnikov*. *Antireligioznik*. 1933. № 3.
- Sungurov M. Antireligioznoe vospitanie na osnove novykh programm (iz opyta shkol Sredne-Volzhskogo kraja). *Antireligioznik*. 1932. № 11–12.
- Tsentral'nyy Gosudarstvennyy Arkhiv Istoriko-Partynoy Dokumentatsii Respubliki Tatarstan (dalee TsGA IPD RT). F. 15. Op. 2. D. 817. L. 19(ob.).
- TsGA IPD RT. F. 15. Op. 2. D. 927. L. 48.
- TsGA IPD RT. F. 15. Op. 2. D. 927. L. 53.
- Shkarovskiy M.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve. M., 1999.